Взгляды на природу имени Платона и Аристотеля, которые видели в именах условное установление, сознательно принятое людьми от случая, а не от природы, разделял Демокрит [3, с. 32-33]. Однако существовала и другая концепция, согласно которой имя вещи соответствует ее природе. Так считали Гераклит и, позже, стоики [3, с. 72].

В древнеиндийской литературе второй половины первого тысячелетия до н.э. существовали экзегетические сакральные тексты Веды. Кроме собрания священных гимнов, молитв и заклинаний они включали три сборника комментариев: Брахманы, Араньяки и Упанишады. Экзегетические тексты Брахманы истолковывали значения ведических ритуалов, а также сопровождающих их мантр (молитв). Араньяки были предназначены для дополнительного и тайного истолкования ритуала, в них объясняются различные опасные ведические жертвоприношения. Упанишады также являются комментарием к ведам, в них в основном обсуждается философия, медитация и природа Бога. Кроме того, в древнеиндийской литературе есть произведения, называемые сутрами, образующие Веданту (шесть вспомогательных дисциплин, относящихся к Ведам). Это руководства для работы жреческих школ со священным языком и обрядом в виде трактатов по экзегетике, этимологии, фонетике, грамматике, ритуалу и пр. Веданги объясняют правильное произношение и применение мантр в церемониях, а также содействуют правильной интерпретации ведических текстов.

Отличительной особенностью древнеиндийской литературы является то, что она имеет мало имен, поэтому в ней стерто индивидуально-творческое начало. В первом известном памятнике индийской культуры Ригведе (ок. 1400-1000 гг. до н. э.) центральным именем, употребляемым в соответствующем гимне, является имя бога или некоторой обожествленной абстракции предмета. Кроме этого в тексте гимнов могут быть названы имена авторов – либо прямо, либо с помощью обыгрывания сходных сочетаний звуков. Но собственные имена в привычном нам смысле практически отсутствуют. Возможно, статус имени у таких памятников принято считать сакральным, так как знание имени дает знание сущности его референта и власть над ним. В ведийских мифах о творцах – установителях имён находит своё выражение магический взгляд на имя как на эквивалент именуемого, а "установление имен" равнозначно акту творения. В Ригведе божественный творец вселенной Вишвакарман назван Повелителем речи и единственным установителем имен богов. Здесь также отражается концепция языка как высшего божества [7, с. 258, 402].

Античное языкознание преимущественно развивается в русле философии имени, в основе которой лежит проблема отношения имени к вещам, и сквозь призму этого отношения рассматриваются все другие вопросы.

Литература

1. История лингвистических учений: Древний мир. – Л.: Наука, 1980. – 259 с.
2. Конфуций. Уроки мудрости: сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во "Фолио", 1998. – С. 81.
3. Античные теории языка и стиля. Под общей редакцией О.М. Фрейденберг. – М.; Л.: Огиз-Соцэкгиз, 1936. – С.32 (344с.).
4. Платон. Кратил // Собрание сочинений в 4х томах: пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. – Т.1. – С. 613-681 (860с).
5. Платон. Сочинения в 3х томах: пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1972. – Т.3. Ч.2.– С.543(766с.).
6. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения в 4 т.: пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1978. – Т.2. – С.95 (С. 93-99).
7. Ригведа. Избранные гимны: Пер., коммент. и вступ. статья Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1972. – С. 258, 402 (418с).

О.Е. БЕЛИНСКАЯ, Л.И. БОРОХ
(Винница)

ОСОБЕННОСТИ АДЪЕКТОНИМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 1-Й ПОЛ. XVIII В.

УДК 811.161.2' 373.22

Белинская О.Е., Борох Л.И. Особенности адъектонимического образования от географических названий в русском языке 1-й пол. XVIII в; 9 стор.; кількість бібліографічних джерел – 7; мова російська.

Анотація. Стаття присвячена відтопонімним дериватам у російській мові XVIII ст.

Ключові слова: відтопонімні деривати, ад'єктонім, морф, топооснова, прикметник, XVIII ст..

Аннотация: Статья посвящена оттопонимическим дериватам в русском языке XVIII ст.

Ключевые слова: оттопонимические дериваты, адъектоним, морф, топооснова, имя прилагательное, XVIII век.

Изучение становления и развития отдельных уровней современного русского языка невозможно без изучения того важнейшего и интереснейшего периода его истории, каким явился XVIII в. Различные аспекты исследования языка XVIII в. все больше привлекают внимание лингвистов. Адъективное

словообразование этого времени изучено недостаточно. Применительно к языку XVIII в. вопрос о производстве адъективов от топонимов даже не ставился. Производные имена прилагательные от топооснов впервые представлены в "Словаре прилагательных от географических названий" [3]. И этот материал опирается на нынешнее и ближайшее к нему (XIX в.) состояние литературного языка [3, с. 5].

Оттопонимические дериваты в работах по словообразованию обычно не рассматриваются. Причину этого А.В.Суперанская видит в том, что языковеды считают несущественным то влияние, которое оказывают образования от имён собственных на развитие языка [7, с. 4]. Соглашаясь с А.В. Суперанской в том, что "лингвистически собственные имена могут подчиняться общим закономерностям, .. а могут и сами оказывать влияние на нарицательные, .. оказываются важным фактором, способным влиять на эволюцию языка" [7, с. 4], мы считаем целесообразным рассмотреть адъектонимы именно в той связи, которая говорит об общих закономерностях, свойственных адъективному словопроизводству в русском языке I-й пол. XVIII в.

1. При оттопонимическом образовании **-ск-** присоединяется к основам более разнообразным в фонетическом отношении, чем основы нарицательных существительных. Присоединение **-ск-** к основам с группами согласных на исходе отражает одну из морфонологических особенностей деривации этого периода: менее жесткие фонетические условия образования адъективов и большую свободу консонантных комбинаций на морфемном шве, свойственную и образованиям от аппелятивов [4, с. 146 –147]. В языке исследуемого времени употребляются прилагательные *вестский* (Бум.КМ, IV, 225)[1], *дерпский* (П. Сильв., 3), *индский* (МРФ, П, 59) и др. (См. ниже *атланский, белгский, пикардский, фландрский*). В именах прилагательных, образованных от нарицательных имён, возможны также несвойственные раннее сочетания согласных: *копиистский* (МАН, IV, 148), *курфюрстский* (АК, IV, 153), *министрский* (Шл.сын. /М/, 295), *шаутбенахтский* (МРФ, 1, 26). Наши представления о свободе комбинаций согласных в языке 1-й п. XVIII в. расширяются за счёт оттопонимических прилагательных.

2. С другой стороны, одновременно существует противоположная тенденция к расчленению консонантных групп, выражающаяся в употреблении протяжных морфов, употребляющихся для устранения нежелательных с фонетической точки зрения стечений согласных на морфемном шве. С этой целью используются морфы **-инск-**: *остинский*

[1] Используются сокращения, принятые в Словаре русского языка XVIII в (6).

(АК,1,132), *дамаскинский* (Ордина, 317), *сатурннинский* (Кн. Мир., 226); **-анск-** *мексиканский* (Пуф. Ист. 1718, 72), *спартанский* (там же, 7); **- ийск- : альпийский** (Ордина, 71) *африйский* (АК, III, 158). В морфе **-инск-** особенно отчётливо прослеживается фонетический характер отрезка ин: обычно **-инск-** используется при образовании адъективов от существи-тельных женского рода. Активизация морфа **-енск,** вероятно, связанная с языковыми контантами (А.В. Суперанская видит причину формирования морфа **-енск-** в традиции ряда славянских языков, где суффикс **-ен-** очень активен в адъективах, что "поддерживает элемент **ен** в составе форманта **-енский"** [7, с. 157], приводит к тому, что отрезок **ен** расчленяет группы согласных, произношение которых не является для русского языка трудным или просто несвойственным. Возникают образования *гранаденский, тулоненский* (Пуф.ист. 1718, 56, 340), *монголенский* (МАН, IV, 132), *панаменский* (Георг.ген., 125), *парменский* (Пуф. ист. 1718, 55) и др.

Разнонаправленность этих двух тенденций, характерная и для образований от нарицательных имён, говорит о неустойчивости моделей адъективного словопроизводства в языке 1-й пол. XVIII в. и является одной из причин существования вариантных форм: *вестский – вестинский* (АК, 1, 132), *марокский* (Ит.ком., 404) – *мароканский* (Пуф. Ист., 1718, 92) *нарвский* (МАН, 1, 52) – *нарвенский* (Кн.М., 32), *пармский* (АК, 1 334) – *парменский* и др.

3. В оттопонимическом образовании, особенно в прилагательных от иноязычных топооснов, ярко проявилась тенденция к агглютинативности в структуре деривата, выражающаяся, в частности, в отсутствии чередований на исходе производящей основы (в связи со стремлением сохранить её звуковой облик, что, по мнению исследователей [2, с. 80-85; 7, с. 155], является одним из принципов оттопонимического образования). Без чередований образуется подавляющее большинство имен прилагательных от основ на **г, з:** *лотарингский* (Пуф. Ист.1718, 125), *макленбургский* (АК, П, 299), *ниренбергский, прагский* (Курас, 98), *сельвигский* (АК,П, 256), *сиракузский* (Восп. дет, 57) и мн.др. С чередованиями могут употребляться прила-гательные, образованные от русских географических названий, например, *петербургежский, таганрожский, устюжский;* образования от иноязычных основ с чередованиями единичны: *гавенбуржский* (Кн. историогр., 54). Тенденция к агглютинативности, обозначившаяся в оттопонимическом образовании в северных диалектах ещё в XI – XIX вв. и закрепившаяся в великорусский период (XV в.) [1, с. 241], в языке исследуемого времени представлена большим количеством примеров. Сохраняющаяся возмож-ность форм с чередованием становится причиной

© О.Е. Белинская, Л.И. Борох

существования вариантов, хотя и немногочисленных: *волгский-волжский, норвегский-норвежский* [4, с. 154], *французский* (ЛК,66) – *французжский* (Геогр. 1710, 48). Данные варианты оказались неустойчивыми и вышли из употребления к XIX в [3].

Но сама принципиальная возможность вариантов, обусловленных такими причинами, постоянно существует в языке; устраняются отдельные избыточные формы, а не факторы, определившие их возникновение.

От основ нарицательных существительных образуется лишь незначительное количество адъективов, отражающих агглютинативные тенденции: *вигский* (Оказ. миру, 13), *теологский* (Чт. ОИДР, 1907, I, 54). Варианты здесь единичны: *ревизский - ревижский* [4, с. 154].

4. Наиболее ярко в образовании адъектонимов представлена неустойчивость усечения финали и[j] производящей основы, характерная для адъективного словопроизводства этого периода. Почти во всех встретившихся нам примерах (более 30) финаль и[j] подвергается усечению. Практически без исключений все топонимы на **-ия** производят в качестве вариантов и дериваты с неэлизированной основой. Вариантность, таким образом, представляется как закономерность. Например: *бразилийский* (Геогр. 1710, 99) – *бразильский* (ЛВ, I, 309), *венецийский* (Ордина, 206) - *венецкий* (КАН, 120), *германийский* (Геогр. 1710, 6) – *германский* (Геогр. 1710, 2), *кастилийский* (Геогр. 1710, 18) – *кастильский* (Мн. мир, 22) и мн. др. Интересно, что усечению подвергаются и основы, содержащие консонантные группы, стечение согласных на морфемном шве не препятствует образованию прилагательных и не тормозит процесс усечения: *белгийский – белгский* (Пуф. Ист. 1718, 53,55), *пикардийский* (О воин. Цез., 100) – *пикардский* (Пуф. ист. 1718, 326), *фландрийский – фландрский* (Пуф. Ист. 1718, 116, 98) и др. Существование этих последних вариантов и сохранение в дальнейшем, уже даже в XIX в. [3], только образований с неэлизированной основой, на наш взгляд, также является свидетельством существования двух противоположных тенденций в складывании морфонологических условий образования прилагательных. Из вариантов, приведенных выше, сохраняются, как правило, формы с усеченной мотивирующей основой. В целом вариативность, связанная с усечением основ, не выходит за пределы XVIII в. [3].

В образовании от нарицательных имён данное явление представлено меньшим количеством примеров. Варианты образуются не так последовательно, как при образовании от собственных. Например: *артиллерийский* (Вед. 2, 59) – *артиллерский* (Чт. ОИДР, 1907, 1, 204), *инфантерийский* (ДПС, 1713, 320) – *инфантерский* (Спб. Вед., 1735, 193),

канцелярийский (АК, III, 58) – *канцелярский* (ВТС, IV, 438) и др. Неустойчивым является и усечение финалей основ иноязычных прилагательных на **-ик,** что также ведет к образованию вариантов: *балтийский* (Вед. II, 292) – *балтический* (АК, II, 138), *адриатский* (Геогр. ген., 104) – *адриатический* (Винсгейм, 110), *атлантский* (Геогр.ген., 101) – *атлантический* (Кн. навиг., II, II, 110). Реже это явление наблюдается в основах существительных, употребимых в русском языке; *африйский* (АК, III, 157) – *афрический* (Пуф. Ист., 1718, 48).

5. К явлениям, подчиняющимся "общим закономерностям", мы относим также образование адъективов с морфом **-ическ-** от топооснов. Наличие оттопонимических дериватов, даже характеризующихся неустойчивостью (в XIX в. они уже не употребляются [3]), с четко выделяющимся морфом **-ическ-** является свидетельством развития адъективов на **-ический** и большой продуктивности этого форманта в I-й пол. XVIII в. До XVIII в. насчитывается ограниченное количество прилагательных на **-ический**, развитие их продуктивности приходится на исследуемый период. Образование адъектонимов на **-ический** является важным показателем еще и потому, что говорит о независимости их от греко-латинских и западноевропейских образцов: производящие основы-географические названия – для производства таких прилагательных были усвоены русским языком и употребительны, словообразовательные отношения существительное-прилагательное складывались уже в русском языке, морф **-ическ-** обретал, таким образом, возможность образовывать прилагательные от различных основ, что существенным образом характеризует свободу его функционирования в русском языке. Образованные же от нарицательных имен, адъективы на **-ический** часто оказываются связанными со своими западноевропейскими прототипами. Иногда соответствующее существительное заимствуется позже, и прилагательное вступает с ним в отношения, приобретающие характер словообразовательных связей [5, с. 63-67]. Оттопонимические дериваты на **-ический** представлены большим количеством примеров: *аркадический* (СРЯ XVIII), *белгический* (Пуф. Ист. 1718, 350), *германический* (СРЯ XVIII), *ионический* (Кн. историогр., 148), *коринфический* (Кнт. Соч., I, 367), *фландрический* (Геогр. ген., 68), *шкотический* (Геогр. ген., 276) и др. Морф **-ическ-** также вносит вклад в пеструю картину вариантных образований. Указанные морфонологические особенности, а также разнообразие морфов, используемых при образовании адъектонимов, делают список вариантов очень разнообразным. Избыточные с точки зрения выражаемого значения, вариантные образования не только характеризуют нестабильность, подвижность моделей словообразования,

© О.Е. Белинская, Л.И. Борох

отсутствие норм в языке 1-й пол. XVIII в., но и отражают закономерности развития языка, вскрывают его большие резервы. От одного топонима может быть образовано несколько вариантов: *агленский* (АК, I, 336), *аглинский* (Изобрет. вещей, 305), *английский* (Кнт. Соч., II, 223), *англический* (КАН, 115); *африканский* (Пуф. Ист. 1718, 56), *африкийский* (геогр. ген., 64), *африйский* (АК, III, 158), *афрический* (Пуф. Ист. 1718, 48); *американский* (Геогр. 1710, 95), *америтский* (там же, 96), *амерический* (Ордина, 267); *иллирианский* (Кн. историогр., 180), *илирийский* (О воин. Цез., 162), *илирический* (Кн. историогр., 134) и др.

Таким образом, адъектонимы отражают существенные особенности адъективного словообразования в русском языке I-й пол.XVIII в.:

а) возможность существования больших консонантных групп на морфемном шве;

б) усилившуюся тенденцию к агглютинации, проявляющуюся в отсутствии чередований **г/ж, з/ж** на стыке морфем;

в) нестабильность, непоследовательность усечений производящей основы;

г) продуктивность отдельных морфов;

д) повышенную вариантность образований.

Литература

1. Горпинич В.А. Відтопонімні прикметники в українській мові: Питання теорії і історії словотвору. – Київ.: Вища школа, 1976. – 142 с.

2. Горпинич В.А. Особенности сочетания словообразовательных морфов в оттопонимических производных восточнославянских языков // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы республиканской науч. конф., 12-15 сент. 1972 г. /отв. ред. А.Н. Тихонов. – Самарканд, 1972. – Ч. I. – С. 80-85.

3. Левашов Л.А. Словарь прилагательных от географических названий. – М.: Русский язык, 1986. – 549 с.

4. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. – Л., Наука, 1975. – 371 с.

5. Петрова З.М. Лексико-семантические группы прилагательных на -ический в русском языке XVIII в. // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та. – С.60-69.

6. Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем: Указатель источников / Ред. Ю. Сорокин. – Л.: Наука, 1984. – 141 с.

7. Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. – М.: Наука, 1969. – 208 с.

Л. Т. БУДНІКОВА
(Ужгород)

СЛОВОТВІРНА АДАПТАЦІЯ ВІДОНІМНИХ ЗАПОЗИЧЕНЬ У СЛОВАЦЬКІЙ МОВІ

УДК 811.162.4' 373.611:811.161.2

Буднікова Л. Т. Словотвірна адаптація відонімних запозичень у словацькій мові; 9 стор.; кількість бібліографічних джерел – 4; мова українська.

Анотація. У статті розглядається словотвірна структура відонімних утворень у словацькій мові та досліджується адаптація відонімних запозичень на словотвірному рівні.

Ключові слова: власна назва, запозичення, словотвірна структура, словотвірна адаптація.

Resume. The article deals with studies of word-formation structure of substantives originated from proper names in Slovac language as well as adaptation of these substantives on word-formation level.

Key words: proper name, loan-words, word-formation structure, word-formation level.

Запозичення віддавна вважається одним із способів збагачення словникового складу мови. Інтеграція Словаччини до міжнародного інформаційного простору зумовила швидкий процес оновлення лексики сучасної словацької мови за рахунок запозичень. Серед частин мови, які найчастіше запозичуються, переважають іменники, далі прикметники і дієслова. Наприклад, за підрахунками дослідниці О. Оргоньової у словацькій мові запозичено 4222 галицизмів, з яких 63,43 % – іменники, 24,16% – прикметники і 8,67 % – дієслова [2, с. 14].

Цікавими у словацькій мові є і відонімні запозичення, яким поки що мало приділяється уваги. З *Veľkého slovnika cudzích slov* [4] ми зібрали 160 іменників, утворених від онімів: географічних назв або прізвищ відомих вчених, які працювали в галузі мінералогії, фізики, ботаніки чи геології.

Процес адаптації запозиченого слова в мові не відбувається однорідно, він частково реалізується на окремих мовних рівнях: фонетичному, морфологічному, морфематичному, лексичному, семантичному, словотвірному, правописному та стилістичному. Так відбувається й із відонімними запозиченнями.

Метою нашого дослідження є розглянути словотвірну структуру відонімних утворень та простежити адаптацію відонімних запозичень на словотвірному рівні.